

УДК 398(=511.131)

П. А. Орлов, Ю. А. Перевозчиков

**ТРАДИЦИОННЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ
ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И СТРОИТЕЛЬНОЙ
ОБРЯДНОСТИ УДМУРТОВ**

В современном домостроительстве и строительной обрядности удмуртов переплетаются как традиционные архаичные черты, так и вторичные формы, распространенные в практике индивидуального жилищного строительства горожан. К таким элементам современной этнокультуры можно отнести предпочтение частного дома – многоквартирному, деревянного – кирпичному; консерватизм в соблюдении ритуалов (строительная жертва, подъем матицы), проведение строительных помочей (*веме*), в обряде которых отмечаются некоторые новации

Ключевые слова: традиционная культура, вторичные формы культуры, жилище удмуртов, строительная помочь, обряды при строительстве дома.

С середины 90-х гг. XX в. в России отмечен значительный рост индивидуального жилищного строительства. С одной стороны, это одна из форм решения застарелой проблемы советского общества, сопровождающаяся созданием механизмов государственной поддержки застройщиков жилья. С другой – стремление горожан построить собственный дом, в чем сказывались издержки урбанизации, мода на экологичную среду обитания и своеобразная «усталость» от городского образа жизни. Эксперты полагают, что наметившаяся тогда тенденция роста площадей, выделяемых под индивидуальное жилищное и дачное строительство, сохранится еще не одно десятилетие [7].

Эта тенденция коррелирует с ростом благосостояния россиян, наблюдаемым с начала нового века, что в совокупности позволяет говорить: сегодня индивидуальное домостроительство доступно уже не только гражданам с высоким уровнем доходов. При прочих равных условиях процесс строительства дома «на праве личной собственности, выполняемый при непосредственном участии граждан или за их счет» [9] в различных социальных, национальных и профессиональных группах индивидуальных застройщиков достоин внимания этнолога как предмета изучения. Нами предпринята попытка этнографического исследования опыта индивидуального домостроительства в среде городской удмуртской творческой

и научной интеллигенции в контексте традиционной культуры возведения жилого дома. Авторы не претендуют на социологическую полноту обобщений, а имеют целью лишь обратить внимание научного сообщества на любопытные, по нашему мнению, особенности, присущие данному «интеллигентско-строительному» феномену. Последующие выводы сделаны на основе фактов, полученных с помощью качественных методов исследования (экспертных оценок, включенного наблюдения, глубинных интервью в ходе этнографических экспедиций в традиционные удмуртские деревни и встреч с полутора десятком представителей удмуртской интеллектуальной и творческой элиты), и открыты для дальнейшего подтверждения или уточнения.

1. Всему процессу строительства дома от момента принятия решения о его возведении до ритуального завершения обрядом *корка пырон / корка туй* (новоселье), осуществляемому фактически современной городской семьей, сопутствуют такие формы культуры, которые в отечественной культурологии и фольклористике принято обозначать как вторичные, обусловленные не естественным проявлением аутентичной народной традиции, а обращением к ней отчасти в силу «нарочитой» актуализации. Подобный «фольклоризм» не просто воспроизводит традиционные формы. Они, по словам К. В. Чистова, «включены в новые культурно-бытовые системы, выполняют нетрадиционные функции, или по крайней мере для структур свойственных им функций характерны нетрадиционные соотношения и доминанты» [16. С. 52]. Большую роль при этом играют эстетические функции, а также возникающие при регенерации традиционных ритуалов, обрядов и материальных предметов определенные этнические или социальные эмоции.

Наши материалы показывают, что, например, воспроизводимые горожанами элементы строительной обрядности являются еще бытующей в удмуртских деревнях традицией. Информация о них получена от аутентичных этнофоров, зачастую близких родственников, но, тем не менее, мотивы и обстоятельства обращения к этим ритуалам, обрядам, обычаям свидетельствуют скорее об их вторичном характере. Здесь, несомненно, присутствует социокультурная дистанция между бытовавшей архаической традицией и стремлением воспроизвести ее в современном хронотопе, этнически и специфически окрасив различные этапы домостроительства. Кроме того, на индивидуальной стройке горожан зачастую воспроизводятся такие элементы подлинной и еще кое-где бытующей традиции, которые подобно вторичным формам включены в современные культурные практики, но в интерпретации горожан имеют, прежде всего, символический, а не практический смысл.

2. Казалось бы, в стремлении организовать обособленное жилое пространство для себя и своей семьи нет ничего необычного или этноспецифичного. Однако, для удмуртского общества, вплоть до недавнего времени обладавшего весьма плотной общинно-семейной структурой, управляемого консервативно-коллективистскими нормами семейного обычного права, ориентация на мнение старших родственников, более тесные и устойчивые как меж-, так и внутрисемейные связи так или иначе влияют на решение об индивидуальном домостроительстве. Будущие домохозяева-горожане безусловно рассчитывают не только

на моральную, но и на материальную и иную ресурсную поддержку со стороны родителей и других родственников. Обоюдное согласие, как представляется, отражает народную традицию (*яна потон*), когда старшие сыновья, создав семью, выходили из отцовского домохозяйства, но при этом отец был обязан выделить долю семейного имущества (как правило, амбарную клеть) на строительство отдельного дома (*корка*). Культурную вторичность можно усматривать в желании построить именно индивидуальный дом, а не просто приобрести городское жилье (квартиру). Для строительства собственного жилища определяющей становится близость к месту работы, поэтому, в случае отдаленности своей родной деревни, дома строят либо на приобретаемых участках в близких к городу деревнях, либо на садоводческих или коттеджных массивах.

Традиция домостроительства в удмуртской деревне предполагала участие в нем широкого круга родственников и общинников. Понятно, что это был практически неспециализированный труд: различия в квалификации и выполняемой работе обуславливались исключительно половозрастными факторами. Умение владеть топором или пилой было составной частью социализации любого молодого удмурта, как и привычка следовать устоявшемуся, проверенному временем архитектурному типу жилых построек. Современная ситуация, конечно же, существенно иная. Доступность привычных сегодня коммуникаций (электричество, газ, водопровод), появление новых проектных возможностей, технологий и материалов в индивидуальном строительстве влияют на выбор конкретных решений в ходе строительства. Технологичность и сложность требуемых трудовых операций вынуждают прибегать и к помощи наемных рабочих – благо на современном рынке труда соответствующее предложение существует в неограниченных масштабах. Все зависит от возможностей заказчика. Отметим также, что на рынке предложений строительной рабочей силы сформировался своеобразный удмуртский этнический сектор. В условиях вынужденной безработицы жители отдаленных удмуртских деревень на время строительного сезона объединяются в бригады и отправляются на заработки в город. Подобные бригады «шабашников» имеют у застройщиков-удмуртов более высокий индекс доверия, что формирует дополнительный спрос, когда в удмуртской среде одни не очень опытные строители рекомендуют мастеров другим.

3. Любопытна дискуссия внутри самоорганизующейся когорты интеллигентов относительно преимуществ деревянного или кирпичного строения. При наличии разных аргументов с той и другой стороны деревянный дом (из бруса или бревна) даже при меньшей технологичности признается более престижным, и предпочтение другого материала оправдывается зачастую несколько надуманными причинами: отсутствием необходимых средств, трудоемкостью сбора деревянных конструкций, недостатком собственной квалификации и т.п.

Как представляется, существует определенная культурная инерция в предпочтении дерева как строительного материала. Наряду с общеизвестными, выгодно отличающими «дерево» от «камня», качествами, нельзя не принимать во внимание и «ностальгические» мотивы при выборе материала. «Ностальгия» может быть как личной («в подобном доме я вырос», «такой дом был у бабушки»), так и этнически символической («удмуртский дом может быть только из дерева» –

древесина – с незапамятных времен практически единственный материал для строительства жилища у удмуртов).

Уместно заметить, что в традиционной культуре семантически прослеживается соотнесенность жилища (исторически *куа* – *кор куа* – *корка*) с образом дерева (ель, сосна, береза). Не станем утверждать архетипичный характер этих предпочтений, но этнографические и лингвистические данные подтверждают возможность такого предположения.

Одна из основополагающих единиц в религиозно-мифологической картине мира удмуртов – образ *Мудора* (букв.: центр/край земли). Описывая удмуртов Оренбургской губернии, Н. П. Рычков отмечал: «Они хранят одно дерево в дремучем лесу, которое, избрав их, прародители называли Мудором, и потомки довольствуются ветвями на них вырастаемыми» [14. С. 161]. Самое почитаемое в святилище *куа* место (полка, на которой помещается воршудный короб) тоже называлось *Мудор*; иногда и само святилище называли *Мудор куа* (очевидно, таковым становилось святилище, которое строилось вокруг Мудора – мирового дерева) [3. С. 69]. В связи с этим большой интерес представляют приводимые Н. Г. Первухиным сведения о *Быдзым куа* (родовое святилище), которое строили иногда без крыши, под деревьями, тогда просто ставили четыре стены вокруг дерева, которое, по всей видимости, и являлось Мудором [8. С. 21]. Изоморфность *куа* и образа мирового дерева в приведенных данных довольно прозрачна.

Глубокая семантическая связь древнего удмуртского жилища *куа* и дерева воплотилась и в оформлении религиозных ритуалов. В праздники к стенам *куа* прибавляли березовые ветки, раскладывали их по лавкам [6. С. 64]. Во время семейных молений в передний угол *куа* ставили срубленную верхушку березы или ели, на столе раскладывали хвойные ветки [1. С. 52–54]. Метафорическое тождество *куа* – дерево нашло отражение и в удмуртском языке – *куадул* – место под деревом (букв. «низ *куа*» – [15. С. 220]). По-видимому участники тождества могли взаимозаменять друг друга: не только *куа* осмыслялось в виде дерева, но и наоборот.

4. Как представляется, городские застройщики-удмурты пытаются наиболее близко к народной традиции соблюдать символические, ритуальные действия, сопровождающие стройку, поскольку они в большей степени отражают этнически маркированные элементы традиционной картины мира.

С идеей мирового дерева непосредственно связана так называемая строительная жертва. Жертвоприношение как мифологизированный ритуал могло совершаться лишь в максимально сакральном месте – «центре мира», – и в этом смысле в традиционной культуре оно неразрывно связано с концепцией мирового дерева. Жертвоприношение при закладке дома зафиксировано у многих народов, в том числе и удмуртов. Для нормального функционирования дом требовал оживления, что и достигалось, по-видимому, строительной жертвой. Сам процесс строительства уподоблялся рождению «живого» дома, а «днем рождения» было новоселье.

Современные домостроители по-своему переосмысливают строительную жертву. Перед началом строительных земляных работ на месте будущего дома застройщики вместе с членами своей семьи и старшими родственниками закалывают барана или домашнюю птицу (петуха, курицу или утку) – *вир поттон*.

Жертва несет оберегающую функцию – «*чтобы при строительстве дома никто не поранился, не ушибся (не пролилась человеческая кровь)*».

В древности, по-видимому, обряд жертвоприношения был совмещен с укладкой третьего венца; именно к этому моменту была приурочена и установка дерева внутри сруба. Под каждый угол на третий венец клали шерсть и деньги [10]. То, что данные действия приурочивались к укладке третьего венца, глубоко символично: с этого момента и начинается «рождаться» дом. В природе появляются очертания нового, не принадлежащего ей объекта. (Ср.: надмогильные срубные сооружения типа «дом» (*четан*) в три ряда бревен; удмурты считали, что с укладкой третьего венца при строительстве бани у нее появляется дух-хозяин (*мунчокузё* – устное сообщение А. Н. Прокопьева.) В современном домостроительстве соблюдение строительной жертвы после третьего венца практически утрачивается. Возведение домов из кирпича или других материалов привело к тому, что если такой обряд и проводится, то приурочивается к самому началу строительства.

Особое значение в строительном ритуале придавалось подъему, установке матицы (*мумыкор* – букв.: «мать-бревно», *эмеспикор* – букв.: «зять-бревно»). От благополучного исхода этой операции зависела жизнь в новом доме. Считалось, что если матица легко села на свое место, то и жизнь в доме будет легкой, счастливой. Чтобы обеспечить благополучие хозяев в новом доме, в маточные гнезда укладывали шерсть («*Шуныт, небыт мед луоз*» – «Пусть будет (дом) теплым, «мягким» [10]); серебряные монеты («*Уксе кадь юн мед луоз, чидаса мед луоз*» – «Ровно деньги пусть прочным (дом) будет, пусть выдержит [все напасти]» [13]; «*Азвесь кадь мед луоз, секыт мед луоз*» – «Пусть будет (дом) как серебро, устойчивым пусть будет» [11]. Непосредственно при подъеме матицы говорили: «*Кема улоно медло, жеч улоно медло. Шудэз-бурез мед луоз. Урод адымиос, урод учырёс медам пыре. Пурьсытатозь мед улом та коркан*» («Чтобы долго здесь жить, чтобы хорошо жить. Чтобы счастье было. Чтобы злые люди, несчастья не заходили. До седины чтобы прожили мы в этом доме» [12]). Именно матица – тот конструктивный элемент постройки, является его символическим эквивалентом, его ритуальным заместителем.

Таким образом, в традиционных представлениях удмуртов матица являлась символом устойчивости, достатка дома и семейного коллектива, его благополучной жизни. Ей приписывалось значение связующего звена между проживавшими в этом доме людьми, что вызвано, по-видимому, ее конструктивной ролью (она держит на себе потолочные доски, служит им основанием, «связывает» их вместе). Думается, этим определяется и ее «материнская» семантика.

Неправильная же укладка столь символически значимого элемента как матица могла повлечь за собой неблагоприятные последствия, разрушить семью. «Если стремились нанести вред хозяевам, выжить их из избы, добиться смерти хозяина дома или разрушить семью, то при постройке дома вбивали в матицу клин» [4. С. 248].

Сакральное восприятие матицы отразилось в правилах ее подъема: одним из обязательных условий этой операции было соблюдение ритуального молчания. С семиотической точки зрения, матица – это граница, и, как всякая граница, она максимально «приближена» к сфере потустороннего, характерной чертой которого является безмолвие. По сообщению Д. К. Зеленина, нарушение у удмуртов

табу на разговоры во время установки такой «границы», как матица, могло привести к вселению в дом нечистой силы – в избе кто-то будет ходить по верхним бревнам, будет трещать и стучать [цит. по: 17. С. 36].

Любопытно, что ритуальное молчание при подъеме матицы сохраняется у сведущих в традиционной обрядности современных строителей, – даже при том, что сегодня конструктивно матица может отсутствовать или ее функции заменяют несколько потолочных переводов. В таком случае ритуально ее замещают первый поднятый или центральный перевод. В гнезда этих переводов также подкладывают монеты и кусочки шерсти с традиционными напутствиями достатка и тепла.

5. Как и в традиционном обществе, актуальным в современном домостроительстве остается привлечение дополнительной рабочей силы, как правило, на основе неоплачиваемой взаимной помощи (*веме*). Наемные работники сегодня приглашаются для выполнения работ, где требуется специальная квалификация (каменщики, плотники, штукатуры); остальные же трудовые операции, особенно наиболее трудоёмкие, горожане-домостроители стараются выполнить самостоятельно, при помощи родственников и друзей. Хозяин будущего дома или наиболее опытный из помочан выступает в качестве прораба. Остальные участники помочей в соответствии с его распоряжениями выполняют всю необходимую работу по мере своих возможностей: молодежь задействуют на тяжелых и малоквалифицированных работах, старшие помогают советом, женщины заняты на кухне и на более легких работах (уплотнение межбрусных пазов паклей и др.).

В наши дни весьма примечательна роль соседей. Если в традиционном обществе это зачастую были родственники, а потому – обычные участники помочей, то сегодня можно наблюдать примеры содействия процессу строительства посторонних людей, особенно при проведении совместных работ. Наиболее типична их помощь в подводке коммуникаций, допуске к источнику воды для цементных работ, в безвозмездном предоставлении инвентаря (рабочие инструменты, тара для воды или цементного раствора, столярные козлы и т.п.). Передки и случаи своего рода «подкармливания» (молоком, выпечкой, овощами или ягодами с огорода и т.п.) начинающих строителей соседями и живущими близко родственниками, особенно если у застройщиков пока нет возможности или времени приготовить пищу на месте.

Раньше по завершении укладки третьего венца строительные работы прерывались, хозяин дома устраивал для помочан небольшое угощение. Внутри основанного дома варили кашу: «когда каша готова, то один берет каравай хлеба, другой – чашку каши и молятся Богу, потом садятся и приступают к трапезе» [5. С. 137]. Вот описание этого действия у Г. Е. Верещагина: «Положив монету в угол и покрыв ее мхом, хозяин отрезает от цельного каравае небольшую горбушку и делит между всеми участвующими в подъеме. У кого есть состояние – угощает водкой, если нет кумышки. Угощение помочанам бывает простое: кисель, щи, пирожки и пр.: поят еще кумышкой и пивом» [2. С. 24]. Обращает на себя внимание то, что приготовление пищи и небольшой пир проходят внутри заложенного дома. Следовательно, после укладки третьего венца пространство уже разделено на «внутреннее» и «внешнее».

Сегодня в конце рабочего дня тоже накрывают стол, угощают, благодарят за помощь и работу. Несмотря на фактически безвозмездный характер проведения помочей, их организаторы осознают необходимость «отдарка» и при случае должны проявить готовность тоже участвовать в совместных работах по инициативе своих помочан. Исключением можно считать работу помочан по совместной договоренности за деньги (например, безработные родственники из деревень). Считается, что участники *веме* должны в первую очередь быть гостями на новоселье в новом доме. При этом некоторые хозяева вручают на этом празднике символические подарки родственникам и друзьям, участвовавшим в помочи.

Можно сделать вывод, что в современной удмуртской этнокультуре своеобразно уживаются традиционные и вторичные ее формы, в данном случае – наблюдаемые в сфере домостроительства и строительной обрядности. Бытующие до сих пор в народной традиции архаичные элементы выступают как источник вторичного переосмысления и объект адаптации к современной актуализированной этничности. Эта тенденция едва ли может быть объяснима исключительно влияниями фольклорной моды, она находит неожиданные выходы и на неизвестные народной традиции хозяйственные, практические и символические значения. Известны, например, случаи «вторичного» в культуральном смысле использования не только жилых домов, но и хозяйственных построек – амбаров-кеносов. По всей видимости, народная культура обладает более широкими адаптивными возможностями, чем можно было бы предполагать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васильев И.* Обзор языческих обычаев, суеверий и религии вотяков Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 5.

2. *Верецагин Г. Е.* Собрание сочинений в 6-ти томах. Ижевск, 1995. Т. 1. «Вотяки Сосновского края». 260 с.

3. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

4. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.

5. *Гаврилов Б.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда // Труды Четвертого Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2.

6. *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков: остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. 156 с.

7. *Маленков Н. А.* Индивидуальное жилищное и дачное строительство как виды использования земельных участков / Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/individualnoe-zhishichnoe-i-dachnoe-stroitelstvo-kak-vidy-ispolzovaniya-zemelnykh-uchastkov#ixzz2uKalGl9N> (Дата обращения: 25.03.2014).

8. *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5-ти эск. Вятка, 1888. 1890. Эск. I. 105 с.

9. *Пикалова А.* Индивидуальное жилищное строительство: анализ понятия и судебная практика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klerk.ru/law/articles/314405/> (Дата обращения: 25.03.2014).

10. Полевые материалы экспедиции ЭЭ-УдГУ, д. Б. Волково, Вавожский р-н УР.
11. Полевые материалы экспедиции ЭЭ-УдГУ, д. Н. Татышлы, Татышлинский р-н РБ.
12. Полевые материалы экспедиции ЭЭ-УдГУ, д. Шидлуд, Можгинский р-н УР.
13. Полевые материалы экспедиции ЭЭ-УдГУ, д. Яголуд, Вавожский р-н УР.
14. Рычков Н. П. «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства...». СПб., 1770.
15. Удмуртско-русский словарь / Под. ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 592 с.
16. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.
17. Яшин Д. А. Удмуртская народная сказка. Ижевск: Удм. кн. изд.-во, 1965. 154 с.

Поступила в редакцию 20.02.2014

P. A. Orlov, Y. A. Perevozchikov

Traditional and Derived Cultural Forms in House Building Practices and Construction-Related Rituals of Contemporary Udmurts

House building practices and construction-related rituals of contemporary Udmurts commonly found in individual housing construction practices of urban dwellers are a mixture of both traditional, archaic approaches and derived forms. Such components of contemporary ethnic culture include: preference for individual homes over apartments and for timber houses over brick ones, conservatism in the performance of rituals (construction sacrifices, tie beam installation ritual), participation of the community in the construction (*veme*, similar to barn raising in the USA). Some innovations have been observed in the performance of construction aid rituals.

Keywords: traditional culture, derived cultural forms, Udmurt housing, construction aid, house construction rituals

Орлов Павел Анатольевич,

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: orlov@e-izhevsk.ru

Перевозчиков Юрий Александрович,

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: gudyri@mail.ru

Orlov Pavel Anatolievich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: orlov@e-izhevsk.ru

Perevozchikov Yuri Alexandrovich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: gudyri@mail.ru